

УДК.72.03.

Искандаров М.М. – старший преподаватель

E-mail: iskandarovm@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Михайлов А.Ю. – кандидат исторических наук, ассистент

E-mail: apunion@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ФЕНОМЕН «СТАЛИНКИ»: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ

Данная статья сфокусирована на методологической разработке феномена «сталинки». Уделено внимание переводу понятия «сталинка» из бытового, повседневного дискурса в академическую плоскость. В рамках междисциплинарного подхода, сочетающего методологию М. Фуко и «культурный подход» (А. Людтке и др.), предложена исследовательская рамка «проблематизации» для интерпретации этого феномена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «сталинка», классицизм, сталинская архитектура, «проблематизация», методология, пара-термин (термин в рамках повседневности), междисциплинарность, «культурный подход», история повседневности.

Iskandarov M.M. – senior lecturer

Kazan State University of Architecture and Engineering

Mikhaylov A.Yu. – candidate of historical sciences, assistant

Kazan (Volga Region) Federal University

THE PHENOMENON OF «STALINKA»: RESEARCH METHODOLOGY

ABSTRACT

This article focuses on the methodological research of the phenomenon of «Stalinka». Paying attention to translating the concept of «Stalinka» from an «everydaylife» discourse in the academic discourse. As part of an interdisciplinary approach that combines the methodology of Michel Foucault and the «cultural approach» (A. Luedtke and others) proposed research framework «problematization» for the interpretation of this phenomenon.

KEYWORDS: «Stalinka», classical epoch, Stalinist architecture, «problematization» methodology, para-termin (the term in everyday life), interdisciplinary, «cultural approach», «everydaylife history».

Современная научная ситуация характеризуется методологическим плюрализмом и ориентацией на междисциплинарность. В архитектуре, на уровне теории и практики, это дает возможность для формулирования и развития новых направлений, которые зачастую функционируют в пограничном, междисциплинарном дискурсе. Социология архитектуры [4], урбанистика и др. – это дисциплины, свидетельствующие о гуманизации архитектуры, акцентировании в ней «человеческого» начала. Данные направления характеризуются комплексной, междисциплинарной методологией, сконструированной для изучения конкретного феномена (городская среда, место человека в мегаполисе).

Иллюстрацией подобного подхода является работа В. Паперного «Культура «Два», в которой визуальное, архитектурное наследие он критикует с точки зрения методологии структурализма (К. Леви-Стросс, К. Леви-Брюль). Он впервые в отечественной (отчасти – эмигрантской) архитектурной науке применил новаторскую исследовательскую рамку «культуры 1» и «культуры 2», как бинарных оппозиций, имеющих разные качественные характеристики [14].

Настоящая статья является продолжением этой традиции применения инструментария общегуманитарной методологии в архитектурной науке. Только в отличие от В. Паперного, с выводами которого мы часто не согласны и стоим на диаметрально противоположных позициях, здесь речь идет о применении методологии постструктурализма к сфере частного пространства

сталинской эпохи или «культуры 2» (отчасти и «культуры 1») [14, с. 19]. Осуществляется это посредством применения методологии М. Фуко, которая естественно синтезируется с другими теоретическими подходами.

«Сталинка» или идентификат в народном сознании частного пространства, типовой стиль массового городского жилья 1930-1950-х годов постройки – это сложное культурное, экономическое, социальное, идеологическое явление, являющееся архитектурным по своему происхождению, которое требует создания «под нее» оригинальной методологии.

«Сталинка» – это категория ментального порядка. Она пока не имеет достаточно определенного научного измерения. Условно говоря, «сталинка» – это закрепившийся в бытовом обиходе (повседневности) (пара)термин, определяющий специфические качества и тип жилого пространства сталинской эпохи.

Под (пара)термином в данном исследовании понимается термин или интеллектуальная конструкция в сознании людей на бытовом, повседневном уровне, который не получил еще академического осмысления, то есть не переведен в плоскость «понятий», «концептов».

В подобном контексте, когда речь идет о речевых структурах, уместно и актуально применение теории дискурса «как системы правил и практик конструирования понятий» [18, 20]. Но предшествовать этому должно обозначение феномена как проблемы, то есть процедура «проблематизации», описанию которого собственно и посвящена статья.

Очевидно, что это «культура 2», «сталинское наследие» во всех его проявлениях переживает очередной виток «проблематизации», осмысления (со знаком актуальности) в коллективном сознании россиян как его присвоение или отторжение. Одной из главных его составляющих является вневременная монументальность, запечатленная в градостроительных ансамблях и отдельных постройках столицы и провинции, мегаполисов и поселков. Рожденная в переломную, неоднозначную эпоху 1930-1950-х гг., разорванная мировой войной, она до сих пор продолжает во многом определять социокультурный и архитектурный ландшафт постсоветского города, как когда-то советского, но постсталинского.

До сих пор в фокусе внимания исследователей «сталинской» архитектуры (О.С. Хан-Магомедов [1, с. 10-25; 21], Д. Хмельницкий [22, 23]) были в основном крупные архитектурные события, творчество ведущих архитекторов того времени (И. Жолтовского, А.В. Щусева, Б. Иофана и др.). Этот ракурс характеризует основную тенденцию российской (советской) науки, связанной с интерпретацией культурного наследия в категориях «выдающегося произведения», «шедевра» и т.д., без акцента на массовость, типичность, которая, собственно, и была архитектурным или художественным выражением эпохи.

Опять же особняком в этом случае стоит В. Паперный с его методологией структурализма, применение которой дает совершенно другие результаты по сравнению с советской схоластикой [14].

Постсоветское «обновление» гуманитарного знания (и связанной с ним в таком ракурсе и архитектуры) актуализировало изучение жизни «людей второго плана», повседневности массового человека. В архитектурной плоскости поставило на повестку дня – изучение массового жилья, частного пространства российского человека, как культурного феномена, во всех его хронологических измерениях – досоветском, советском и постсоветском.

Большой пласт исследований по истории повседневности, связанный с качеством жизни, стилем и образом жизни, включает и аспект частного жизненного пространства, которое было обусловлено архитектурными характеристиками. Идеологический вектор на преобладание публичности или приватности в частном пространстве влияли на архитектуру, в то же время как застывшие формы «сталинки» были средством конструирования последующей идеологии.

Термин (бытовой) «сталинка» прочно закрепился в бытовом и отчасти экономическом лексиконе горожан. В массовом сознании это слово четко визуально формулирует и цельно идентифицирует наследие жилой архитектуры 1930-1950-х годов в контексте современного города. Родственным, но не синонимичным понятием является «сталинский дом», в просторечии обозначающий многоэтажный жилой дом 1930-1950-х годов постройки. В отличие от него, феномен «сталинка» обнаруживает двойственную природу своей обусловленности. Во-первых: собственно архитектурную – поскольку он характеризует определенную среду комплексом визуальных и функционально-конструктивных характеристик, которыми и внешне определяется. Во-вторых: социально-культурную, поскольку собственно термин формировался как результат наложения опыта жизни горожан на архитектурный базис жилых зданий 1930-1950 годов. Само возникновение и

устойчивое бытовое функционирование слова «сталинка» демонстрирует принятие и включенность этого бытового термина в социально-культурную ткань современной городской культуры. Очевидно, что вряд ли можно представить возникновение и употребление такого слова непосредственно в годы сталинского тоталитаризма, что выводит исследование «сталинки» за пределы 1930-1950-х годов.

Перевод феномена «сталинки» из повседневного в научный дискурс, превращение его из интуитивно-эмоционального, «полужаргонного» наименования в академическое понятие требует разработки его критериев и применения определенной методологии. Очевидно, что феномен «сталинки», зафиксированный сейчас на уровне «бытового термина» (паратермина), будучи архитектурным по происхождению, имеет также социальное, культурное, интеллектуальное и др. измерения. Устоявшаяся на повседневном, интуитивно-эмоциональном уровне, «сталинка» при переводе в академическую плоскость требует расшифровки этих характеристик, которая невозможна только с помощью инструментария архитектурной науки. Это актуализирует применение междисциплинарной методологии. К тому же современная научная ситуация и, прежде всего, в гуманитарных науках (и связанных с ними – к которым относится и архитектура) демонстрирует тенденцию к синтезированию, к междисциплинарности.

Совокупность этих характеристик (архитектурных, социальных, экономических, культурных и интеллектуальных) сделали этот феномен «сталинки» цельным в сознании людей, цельноузнаваемым, создали некий «архив» явления в социально-интеллектуальном пространстве советской (постсталинской) эпохи.

В этом случае термин «архив» опять же понимается в интерпретации М. Фуко как «система формации и трансформации высказываний», то есть «набор тех смыслов и векторов в восприятии и осмыслении, который задается феноменом» [18, 20]. Его применение конституирует для исследования следующие измерения темы, суть которых в трансляции смыслов, заданных явлением «сталинки» во времени.

Изначально созданное как статусное, рафинированное, элитарное жилье, оно использовалось как средство сегрегации нужных/не нужных, ценных/не ценных для государства. Впоследствии оно опознавалось как «номенклатурное жилье» с целым набором социальных, статусных практик (поддерживалось и охранялось в «генеральскую» эпоху застоя). В 1990-2000-е гг. до периода строительного бума (появление «улучшенок» и «новой классики»), перестроенная, перепланированная «сталинка» была символом достатка и успеха эпохи первоначального накопления капиталов.

По-видимому, в ситуации кризиса власти и отсутствия авторитета связь времен в плане статусности априорно выполняли объекты с чертами империи и «большого стиля», как и в предыдущие эпохи. В настоящее время к «сталинкам», функционально проигрывающим новому жилью, неоднозначное отношение. В масштабах страны еще не решено (и не задано стратегии), что делать с этим имперским, артикулируемо тоталитарным наследием? Сносить, музеефицировать?! Все это погружено в контекст общих рассуждений и осмысления сталинского наследия, главная характеристика которого опознается как «тоталитаризм» или «жесткий порядок».

Все это позволяет гипотетически говорить о значительной роли феномена «сталинка» в советском и постсоветском социальном и интеллектуальном ландшафте.

Предшествующие исследования сталинской архитектуры носили описательный, позитивистский характер, что не могло вскрыть ее социокультурной сущности. Ракурс рассмотрения архитектуры 1930-1950-х гг. как художественного воплощения сталинского тоталитаризма лишь упрощает, выхолащивает достаточно сложную ситуацию культурных и идеологических интенций этого переходного времени. Исходя из установки, что «стиль – есть художественное переживание эпохи» [12, с. 145], возникает вопрос: выражением чего является «сталинская архитектура» в целом (если, конечно, она была цельным феноменом) и насколько истинны такие определения, как «сталинское барокко», «сталинский ампи́р», «сталинский неоклассицизм» и т.д., одновременно существующие в отечественной архитектурной истории? Без понимания социокультурной сущности феномена, исторического контекста, одним инструментарием архитектурной науки этот вопрос разрешить нельзя.

Осмысление паратермина «сталинка» как концепта в академическом дискурсе актуализирует применение, прежде всего, теории «проблематизации» из масштабного методологического наследия известного французского мыслителя Мишеля Фуко (1926-1986) – исследователя становления институтов Нового Времени (модерности) в Европе, механизмов соотношения власти, знания и

биосоциальной природы человека. Впервые данный подход был применен в его работе «История безумия в классическую эпоху» (1961). В фокусе его внимания – «классическая эпоха» в Европе (XVII-XVIII вв.) – становление механизмов утверждения Порядка, принуждения и дисциплинаризации. По многим очевидным историческим параллелям оно соотносится с русской модерностью XVIII-XIX вв., которая находилась в тесной зависимости от Европы [19].

«Проблематизации» М. Фуко не посвятил отдельной работы, но с подобного метода начинается почти каждое из его исследований. Данная исследовательская схема есть поражение рефлексии его учеником и коллег. Российский читатель оперирует ее англо-американской (Хьюберт Дрейфус и Пол Рабиноу) и европейской (континентальной – Робер Кастель) интерпретациями [13, с. 10-32, 46-79].

«Проблематизирование» концепта «сталинка» открывает дорогу дальнейшему применению методологии М. Фуко в системе координат «археологии» и «генеалогии» сталинской архитектуры. Горизонтальное и вертикальное изучение феномена частного пространства в сталинскую эпоху соотносит нас с уже известной методологией структурализма В. Паперного в «Культуре «Два». Отличие нашего подхода в том, что применяется он к сталинке как социокультурному феномену, а не только как объекту градостроительной сферы и с постструктуралистских позиций, а не структуралистских, как у В. Паперного. «Археология» внутреннего частного жилого пространства и «генеалогия» его создания в соответствии с принципами М. Фуко – вот перспектива наших исследований, на раскладывание на «бинарные оппозиции» в соответствии с подходом К. Леви-Стросса.

Для изучения «сталинки» как социокультурного феномена, как синтеза материальной и духовной культуры, порождения идеологии и технологии, уместно будет синтезировать фукианскую методологию с «культурным подходом» (cultural studies). Из множества интерпретаций наиболее адекватным является немецкий вариант «истории повседневности» (Alltagsgeschichte, англо-американский аналог – Social Science History), разработанный в трудах историка Альфа Людтке, наиболее доступный в России.

Фокус внимания в рамках этого подхода сконцентрирован на изучении любого явления как культурного явления. «Экономика, власть, политика – равноправные измерения» – все являются частями культуры в глобальном междисциплинарном подходе как созидающей, осмысленной деятельности человека [5, с. 26].

Рамка «культурного подхода», естественно, должна быть соотнесена с архитектурной наукой. «Структура повседневности», разработанная в трудах зарубежных и отечественных историков, подразумевает измерение частного пространства каждодневной жизни в плоскостях уровня, качества, стиля и образа жизни. Синтезирование каждого уровня с инструментарием архитектурной науки рождает интересное проблемное поле соотношений: как архитектура определяла стиль и образ жизни? и как они влияли на нее?

Следовательно, более интересно и адекватно в рамках ситуации методологического плюрализма рассматривать политические процессы, тексты или архитектурные памятники не только в рамках своей дисциплины, но и как сложные культурные феномены, отличающиеся многоаспектностью.

Само рождение термина «сталинка» в рамках повседневности и бытовой культуры, которая является объектом изучения «истории повседневности», говорит об актуальности и насущной необходимости применения данного инструментария.

Одной из гипотез, вытекающих из применения методологии М. Фуко и «культурного подхода», является предположение, что архитектура сталинской эпохи есть логическое, органичное продолжение русской классической (архитектурной, визуальной, художественной) традиции. Она опять же актуализирует применение общегуманитарной методологии.

В подобном контексте необходим акцент на параллелях в развитии классицизма XVIII-XIX вв. и сталинской эпохи как социокультурных феноменов и как художественных стилей. В обоих случаях налицо две тенденции. Во-первых, сосуществования высокого, классического искусства, ориентированного на вечность, вневременность, и тоталитаризма. Во-вторых, цельные феномены классицизма не отличаются однородностью, они более нюансированы, чем стереотип обывательского восприятия. Если классицизм XVIII-XIX вв. был то «ранним», то «зрелым» («просвещенным»), то «высоким» и нео-, то рациональным или мистическим, со всеми аллюзиями и «псевдо»осмыслениями в эпоху модерности и «серебряного века», то и условно «сталинская архитектура» имела ипостаси постконструктивизма («ранний сталинский стиль»), барокко, неоренессанса и ампира и пр.

Идея Порядка, Иерархии, пропагандируемые классицизмом, очень соответствуют культурно-политическому проекту И.В. Сталина [7, 36-52]. Восстановление равновесия, баланса между частным, приватным и публичным пространством после авангардистских экспериментов 1920-х гг. «культуры 1» на гармоничных началах рационального классицизма XVIII-XIX вв. вполне закономерно. Исходя из установок Античности, стерильность, рафинированность сталинского частного пространства не подразумевала его коллективности (для этого отводилось публичное), в отличие от эпохи конструктивизма. Разве комната «коллективного сна» – указанная у В. Паперного [14, с. 148-149] – это не полуреализованный прототип для антиутопии Е. Замятина или О. Хаксли?!

Принцип дидактической функции искусства (искусство как форма сознания или как сознание эпохи) также был воскрешен сталинской эпохой [7, с. 123-130]. Величественность строений, их тяготение к Абсолюту, масштаб градостроительства, актуализация героического начала в монументальности, созерцание античной гармонии в образах мускулистых физкультурников и ордерных конструкций должны были воспитывать нового человека. Перенос этого культа гармонии, его механизмов и потенциала во внутреннее пространство – еще один ракурс для рассмотрения «сталинки» как сложного и нюансированного социокультурного феномена.

«Проблематизация» «сталинки» как культурного феномена расставляет неподмеченные акценты и формулирует гипотезы. Ее суть – это поставить вопрос: «Что такое Сталинка?» как совокупность формулировок или непосредственных ассоциаций в контексте «совокупности дискурсивных и недискурсивных практик, которая вводит ту или иную вещь в игру истинного и ложного и конституирует ее в качестве объекта для мысли» [6, с. 10].

Ответ на вопрос в подобной системе координат дает как минимум следующие варианты. Он открывает следующие уровни интерпретации «сталинки»:

1) Культурный (повседневный) – эмоционально-обывательский, фиксирует наши впечатления от уровня и образа, стиля жизни в контексте этого частного пространства («большая уютная квартира с высокими потолками», «профессорское жилье», «престижное городское жилье», «сталинка» есть символ роскоши, олицетворения «пира во время чумы» (войны) [5, с. 189-208; 15; 9, с. 111-119];

2) Архитектурный (технологический) – запечатление основных стилевых и архитектурных характеристик (иерархичность и масштабность пространств, осевые построения, ордерная система, типологическая определенность, «классический» стиль декора) [1, с. 9-49, 120-128];

3) Идеологический – отражение эпохи, ее идеологии, теории и проектов власти по отношению к обществу («сталинка» как знак признания заслуг, поощрения нужных категорий? Способ манипуляции обществом) [6, с. 17-23, 32-39].

С позиции современного междисциплинарного подхода феномен наполняется новыми смыслами и вопрошаниями, описывается его синтетическим аналитическим языком. В этом ракурсе «сталинка» может мыслиться как «академизация» частного пространства и возрождение академической культуры повседневности или новый эксперимент, реплика частного пространства эпохи классицизма (интерпретация гармоничного классицизма) или художественное выражение тоталитаризма – «Просветительский проект» для частного пространства.

Подобная установка на продуцирование смыслов, методологическое провоцирование конкретного материала приводят к творческому осмыслению феномена «сталинки», отходу от клишированной однозначной интерпретации и порождению новаторской исследовательской рамки.

Один из векторов интерпретации – это снятие идеологической ангажированности (априорно отрицательной) с архитектуры эпохи Сталина, разведение классической архитектурной традиции и тоталитаризма, которые имеют трехвековую историю сосуществования.

Фиксация «сталинки» как объекта для мысли, ее актуализация определяют дальнейшую интерпретацию этого феномена в дискурсе М. Фуко, в системе координат метода «археологии знания».

Изучение феномена «сталинки», как частного момента проблемного поля сталинской архитектуры, поможет ответить на глобальный вопрос, в чем сущность сталинского стиля архитектуры, является ли он продолжением русской классической традиции или экспериментом тоталитаризма?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: Ком Книга, 2010. – 496 с.
2. Бертран Ж. Архитектура. Ренессанс. – М.: АСТ Астрель, 2003. – 159 с.
3. Васькин А.А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. – М.: Спутник+, 2009. – 236 с.
4. Вильковский М. Социология архитектуры. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с.
5. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX-XX вв. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 452 с.
6. Власть и творчество. Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4 / Отв. ред. И.А. Бондаренко. – М.: Эра, 1999. – 192 с.
7. Даниэль С.М. Европейский классицизм. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 304 с.
8. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 1: В 2 т. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 655 с.
9. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура: соц., мировоззрен. и идеол. тенденции в развитии архитектуры. – М.: Архитектура-С, 2004. – 399 с.
10. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 462 с.
11. Кафель Робер. «Проблематизация» как способ прочтения истории // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. – СПб., 2001. – С. 10-32.
12. Матвеев Б.М. Образы Петербурга. Мистика и реальность. – М.: Центрполиграф, 2009. – 283 с.
13. Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в СПб., Летний сад, 2001. – 349 с.
14. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 383 с.
15. Повседневность российской провинции: история, язык, пространство. Материалы 3-й летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности» / Под ред. С.Ю. Малышевой. – Казань, 2002. – 330 с.
16. Сальникова А.А. Здесь будет город-сад! «Культивирование» советского городского провинциального пространства в 1920 – 1930-е годы // *Ab imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Естество и культивирование: экология имперских садов, 2008, № 4. – С. 151-190.
17. Форум «*Ab imperio*»: анализ практик субъективизации в раннесталинском обществе // *Ab imperio*. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве, 2002, № 3. – С. 209-212.
18. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.
19. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 575 с.
20. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарного знания. – СПб.: А-сад, 2004. – 406 с.
21. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
22. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 374 с.
23. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 304 с.